

Всеволод Алферов

Ковер с обезьянками

— Десять ставров за все, — сказал, как плюнул, старый Пётрас. — И ни одним больше, слышишь?

Квадим только хохотнул. Десяти монет хватит на пару дней, да и то — если есть в самых дешевых тавернах. Ему нужны сотни. Сотни! Если не хочет оказаться на улице. В любом случае, предложение курам на смех, даже подсчитывать нечего.

Старьевщик хмуро смотрел, как веселится Квадим, а потом взял абрикос и впился в него зубами.

— Полторы сотни, — отсмеялся падальщик.

Горсть предметов, о которых они спорили, лежала на засаленной тряпице. Медный браслет, дюжина эмалевых пуговиц, грубоватый, но добротный нож, а еще — размокший от влаги кошель с тиснением. Все со скал Панайона, куда море частенько выбрасывает обломки.

— Все вы, копченые, безумцы и воры. Ты что, смеешься надо мной?

— Посмотри еще раз, почтенный Петрас, — падальщик выжал всю вежливость, на какую был способен. — Это вещи Рассветных королевств, там среди лесов стоят крепости, а правят закованные в броню военные вожди. Их корабли что, часто заплывают во Внутреннее море? Кто еще такое принесет?

— Мне-то что с того? — старьевщик прищурился. — Грубая поделка, вот что я скажу.

— А ты разыщи не обычного покупателя. Ищи коллекционера.

— Тридцать.

— Сотня, — парировал Квадим.

Он спорил, а между тем поглядывал вглубь лавки. Всем известно, что старый Петрас только сидит при входе, по-настоящему же делом правит его супружница, Сесмея.

— Ты мозгами-то пораскинь! — продолжил Квадим. — Не сбудешь старье, а найдешь настоящего покупателя, среди купцов или даже старых семей.

В лавке раздался скрип стула, и падальщик добавил в голос меда. Сесмея выплыла из тени, как кит, запеленатый в грубый коричневый хитон. Медные булавки на плечах едва удерживали туго натянутую ткань.

— Тут вот, на браслете, — заливался Квадим, — видишь лицо в нимбе? Это тамошний бог. И надпись. Буквы Рассветных королевств!

— Точно ребенок накарябал, — проворчал старьевщик, но толстуха уже отобрала у него браслет.

Падальщик понял, что в этот раз победил.

Когда они заключили сделку, и горсть монет перекечевала из рук в руки — шестьдесят, Квадим о таком и не мечтал! — оба вновь стали лучшими друзьями. Партнерами, один из которых рискует жизнью, лазая по проклятым скалам, а другой сбывает найденное.

— Тут вот что... это... — проямлил Петрас, когда жена ткнула его в плечо. — Нужна твоя помощь.

Ого, даже так? Старый пройдоха, беса с два бы ты сторговался, заговори об этом раньше!

— Ты же копченый, разбираешься в таких вещах, — продолжал меж тем старик. — Есть одна вещица. Ковер. Меня попросили продать. Найти покупателей. погоди, сейчас я покажу.

Покряхтывая, он скрылся в тени. Падальщик озадаченно нахмурился.

Анхárский ковер? Вот уж с чем он вряд ли поможет. Порой Квадим встречал на белых улицах Высокого города земляков. Смуглые, черноглазые, с блестящими от благовонных масел волосами и крашенными бородами — все они гостили в мраморных домах, где солнце дробится в хитрой резьбе портиков, смеются фонтаны и тянутся к небу кипарисы.

Квадим издали подмечал темные лица земляков — копченые, как говорили тут — и сворачивал подальше.

— Вот. Вот, смотри.

Поверх ножа и пуговиц легла истертая циновка. Петрас раскатал рулон, открыв мягкие краски и тонкое плетение. Красное с золотом, и пламя, и буквы вдоль краев. В центре пили вино и веселились семь обезьянок.

— Ты ведь и вправду понимаешь... ну, по коллекционерам. Я тут подумал, может, ты оценишь?

Да уж, такое не продашь торговцу в золоте. Тонкая работа, это сразу видно — но старая, истертая почти до дыр. С одного края ковер почернел, опаленный в давнишнем пожаре. Или все же...

Квадим коснулся пальцем потертости.

Нет, даже если вещь древняя — разве скажешь вот так, со стороны? Ковер многое повидал, но одни боги знают, чему он был свидетелем.

— Подумать бы, — услышал собственный голос падальщик. — Хитрое плетение, но видишь, в каком он состоянии.

— О, ты не торопись! Возьми к себе, если нужно. Обнюхивай, вылизывай, что ты там еще делаешь? Ты, главное, скажи мне, что надумал.

Вот так, да? А что мешает забрать ковер с концами? Загнать за дюжину монет в порту?

— Пять дней, — рассеял сомнения Петрас. — Через пять дней приноси с оценкой, и я заплачу. Или сам найди покупателя, тогда получишь треть.

Супружница старьевщика так и не проронила ни слова — затопала обратно в лавку, меж кувшинов для масла, пузатых, как она сама.

Когда Квадим добрался до дома, закат на алых крышах дворца экарха погас. Две старые оливы в сумерках стали бесформенными тенями. Как и полагается по закону, над его дверью чернели буквы: «с», «н» и снова «с».

«Сейнос», чужак.

Высокий город считают мраморным: все эти храмы, статуи и колоннады — но здесь, внизу, нищенские хибары лепят одну к другой. Побелка давно сползла со стен, в воздухе стоял запах соли и рыбьей требухи.

Ковер полетел в угол, к дырявому матрасу. Медь приятно позвякивала за пазухой. Падальщик высыпал ее на кирпичную лавку, продолжение стены — и не удержался: принялся по новой пересчитывать.

Шестьдесят ставров. Шесть по десять. Хватит на добрую порцию выпивки! А еще на шлюху, маленькую и смуглую. Все как он любит.

Какая выпивка, какие шлюхи? Пять или шесть сотен. Вот, сколько стоит взятка писарю, чтобы его дом не отобрали. Все, что он заработал — едва ли десятая, иначе скоро его выкинут на улицу, прижимать к пузу лохмотья и подбирать объедки.

Квадим думал об этом и вяло жевал черствую лепешку с пожелтевшим горьким сыром. Оказывается, за дни в скалах он опять отвык от вони трупоб. Через три дома рыбак подкармливал костер козьим навозом, но запах проникал даже сюда. Так, может, ну его? Далась ему эти четыре стены. Из тридцати с лишним лет Квадим десять прожил в треклятой хибаре. И все тридцать — в нищете.

Страну Царя Царей он покинул в трюме, скрываясь от торговцев черным дурманом, которым перешел дорогу. Ночью его нашли, и Квадим проснулся оттого, что его пнули, а затем за волосы поволокли к свету одинокого фонаря, что горел меж бочек и кувшинов в человеческий рост.

Узкоглазый купец из Закатных земель, он оказался по-своему добр — отнял юнца у матросов, выходил и залечил побои. Впрочем, Квадим все равно ограбил чудака, едва корабль причалил в гавани. Чтобы наверняка — он приложил торговца чернильницей, ведь не убивать же его, и с первыми лучами солнца стоял на твердой земле.

Поначалу высочайшая Накáтта казалась прекрасной. Квадим вырос в столице Царства, где пыльный воздух дрожит в жарком мареве, и золоченые купола двоятся в знойной мути. Здесь было чисто, и свежо, и пахло морем — а мраморные девы и воители казались почти живыми в прозрачном воздухе. Потом беглец набрел на старую площадь, окруженную постройками из неотесанного камня. На помостах выстроились, едва прикрыв наготу тряпьем, рабы — и Квадим понял, что Высокий город ничем не отличается от страны Царя Царей. Здесь так же торгуют черным дурманом — или каким другим зельем — так же пьют и убивают за горсть медяков. Даже шлюха стоит примерно столько же.

Десять лет... Бесы, а ведь как вчера было!

Впрочем, значение имеют здесь и сейчас. А сейчас были шестьдесят ставров, которых хватит на десятину взятки — и это учитывая, что сперва он как следует напьется.

Квадим занялся этим, не откладывая.

Когда падальщик вернулся, всего-то час спустя, он был изрядно во хмелю — но не настолько, чтобы забыть, где оставил ковер. Рулон валялся в углу, перед уходом Квадим пинком отбросил его с матраса.

Безмолвно алела в свете фонаря вышивка. Гримасничали обезьянки. Развернутый, коврик лежал посередине комнаты, будто поджидая хозяина.

Квадим выругался. Воры! Шестьдесят ставров. Уже пятьдесят семь, если быть точным. Опустив лампу на пол, он бросился к тюфяку, смахнул тряпье в сторону и запустил руки в дыру в полу.

Тайник его был прост: вся надежда, что воровать у него особо нечего, да еще — что вор не догадается вытащить кирпич и найти под первым тайником второй. Взгляд Квадима метался, пока пальцы наощупь шарили по пыльному углублению. Пусто. Пусто, чтоб их! Шестьдесят ставров, тяжелые, теплые шестьдесят ставров. Лишь первый шаг, чтобы сохранить дом.

— Яйца Шеххана! — выругался падальщик. — Будьте вы прокляты! Будьте вы все прокляты!

Глаза застилал туман. Кровь прилила к лицу и теперь стучала в висках. Но как?.. Все знают, что у него нет ничегошеньки. Кто подсмотрел, кто вынюхал про второй тайник за кирпичом?

Квадим закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Привалился к стене.

Медь сумрачно поблескивала на лавке, ровными столбиками, все как он сам и разложил.

— Боги!..

Пот градом тек по лицу падальщика. Подскочив, он снова принялся все пересчитывать. Тридцать, сорок... Руки его тряслись. Пятьдесят и еще семь монет. Он даже засмеялся от счастья. Нашарил оставленную на полу бутылку и глотнул. Дешевое пойло обожгло глотку, по телу заструилась сладкая легкость.

Неужто он бросил монеты вот так, на лавке? Плевать! Главное, что все целехонько.

Не меньше трети звона Квадим просто сидел, пока не высосал остатки вина. Он перепрятал деньги и теперь поглаживал комковатый тюфяк. После пережитого им овладела странная апатия.

— Ты словно немеешь, старик, — пожаловался как-то Петрас. — Вот точно говорю!

Да что ты знаешь, старый хрыч? Да, дни в трущобах проходят в вязком густом тумане. Еще и дом, твой собственный дом — норовят отобрать! Падальщик пил и много спал. Затуманенное сознание отказывалось подсчитывать дни, но и на вонь с грязью ему было плевать.

— Что ты об этом знаешь? — вслух спросил Квадим.

И вздрогнул.

Показалось — в дверях стоит высокий сгорбленный человек. Нет. Нет, это тени. Лишь тени крохотного огонька масляной лампы.

Взгляд падальщика вновь упал на ковер. Обезьянки играли в кости и посмеивались.

Они же пили и праздновали!

Вставать было долго, да и каморка у него крохотная — Квадим на четвереньках подполз к циновке, впился взглядом в выцветшие краски. Семь обезьянок сидели кругом и бросали кости в большую миску.

И кто же развернул ковер? Воры? Воры, которые не тронули деньги, просто пришли и бережно переложили циновку?

Квадим вдруг понял, что больше не может здесь находиться. Ему нужен воздух! Даже пыль трущоб лучше вони в его конуре.

Поднявшись на ноги, падальщик пошатнулся. Он оказался пьяней, чем ему думалось. Все проклятое пошло! Бардас с Длинного рынка, он вечно подмешивает всякую дрянь, чтобы скорей валило с ног.

Тени толпились по углам. Фитиль в масляной плошке совсем прогорел. Подкрутить бы — но стены раскачивались, и в глазах двоилось.

Да не одна же — дюжина фигур! Безволосый череп, тонкая, как пергамент, кожа, бледные веки. Глаза у всех были закрыты, но все смотрели прямо на него — и двоились, троились, расплывались, как пустынные бесы.

Качнувшись, Квадим навалился на дверь грудью и вывалился в ночь.

Хвала всем богам: что Царства, что местным — тени его не преследовали.

После чада и духоты у него закружилась голова от свежего воздуха. Квадим долго брел, не разбирая дороги, а потом по стеночке опустился на еще теплую землю, привалился к ветхому забору.

Ветер с моря шевелил его одежду и волосы.

Гул голосов. В сотне-другой локтей кто-то нещадно терзал струны. Квадим поднял мутный взгляд и лишь теперь осознал, куда его занесло.

Старинная колоннада давала убежище разносчикам еды и проституткам. Из подворотни виднелся угол серого здания и широкие ступени из покосившихся плит. Лойрос, театр в Темном городе. Просторная улица едва вмещала всех, кто на ночь глядя искал увеселений.

Квадим вжался в тень у основания забора.

Не тут-то было. Сперва свет загородила фигурка женщины, а за нею появился громила с бычьей шеей.

— Вот. Это он! Все он!

Что это? Он ничего не делал! Впрочем, падальщик смутно помнил, как сюда добрел, и сколько уже сидит здесь. Неужели...

Пронзительный голос рассеял остатки пьяной дремы:

— Вонючий козел! Ты посмотри на себя. Весь в грязи, а пахнешь точно свинья в хлеву. И ты свалился прямо на клиента!

— Клиента, — невнятно пробормотал Квадим.

— Это он, он спугнул Зеноба! — запричитала шлюха, и охранник вторил за ней:

— Давай, проваливай, мужик. Слышь, чего говорю?

— А это общий двор, — хрипло заспорил падальщик. — Сижу, где хочу...

На миг верзила повернулся, так что луна высветила его лицо. Глаза у него были холодными и безучастными, как у рыбы. Убьет и не моргнет. Квадим вздрогнул, а потом зашевелился.

— С каких это пор... — бубнил он, вставая.

— Проваливай! — теряя терпение, загудел громила, и падальщик счел за лучшее последовать совету.

Несмотря на поздний час, торговля была в самом разгаре. Квадим бесцельно бродил меж прилавками, не глядя по сторонам. Отовсюду его гонят!

Здесь горели дюжины фонарей, каждый под толстым зеленым стеклом. Лица в их свете казались мутными, мертвецкими — или, может, то бесовский морок не до конца развеялся. Падальщик сам не заметил, как угодил в густую толпу. Не меньше тридцати ротозеев сгрудились вокруг грубых столов и лавок из неструганного дерева.

Стучали кости. Кто-то невидимый долго и вдохновенно ругался.

— А ну-ка подвинься! — Квадим толкнул в бок зрителя. — Эй, а ты чего локти расставил?

Плешивый старец открыл рот отчитать его, но увидел темную кожу и сделал охраняющий знак. Плевать! Так он и думал. Никакие это не кости. Игроки бросали длинные тонкие палочки и передвигали по узкой доске фигурки.

— Пять. Последняя часть души в Раю, — темнолицый земляк подгреб к себе горку меди и обвел зевак взглядом. — Ну, кто еще желает?

А почему нет? Тени. Аккурат, что ему сейчас надо! Квадим отпихнул костлявую девицу.

— Я. Я готов.

— Поистине славен день, когда земляки встречаются на чужбине! — громко возвестил игрок. Но когда Квадим плюхнулся напротив, тон его звучал совсем иначе: — *Лак анна́х виджарáт?*

Падальщик отвык от родного языка. «У тебя хоть медь водится?» Не говоря ни слова, Квадим ссыпал на стол семь ставров — те, что оставил при себе. «Пятьдесят, — подумал он. — Осталось всего пятьдесят. Пять по десять».

Но отступить поздно. Земляк повторял для тех, кто только подошел:

— В далекой стране, откуда мы оба родом, не бывает просто игр, как *просто* не восходит луна. Когда отходит от тела душа — не сразу, ох не сразу доберется до палат Солнечного Владыки! Каждый войдет в пустынные поля, столкнется с сотней ловушек и препятствий. Лишь самый чистый избежит их все. Тени разыгрывают этот долгий путь, где...

— Короче, — перебил падальщик. — Ты играешь или языком мелешь?

Его соперник скривился в презрении. Среди зевак мелькнул лысый череп с тонкой, как пергамент, кожей. Потом игрок развел руками.

— Хотенье земляка закон, — сказал он. — Уж точно для Азміра Многорукого.

Квадим сграбастал палочки и помял в кулаке. Нет ни свинцовых грузиков, ни зарубок. Так что же?

Вокруг игроков стало очень тихо, даже музыкант перестал терзать струны. Так что? Обезьянки на ковре играли в кости, должно же это что-то значить!

И он разжал кулак.

Часть палочек упала лицом, часть — выкрашенной красным задницей. Падальщик не успел еще сосчитать, когда земляк сказал:

— Три. — Перебросил свои. — Четыре. Я начинаю... — Бросок. — Пять, два хода подряд.

Вскоре Квадим понял, как земляк заслужил свое прозвище. Тот соображал, как дюжина бесов, и ходил, словно у него десять рук! Он никогда не видел, чтобы пальцы мелькали над доской так быстро. Падальщик только успевал, что сосчитать все кости, кивнуть «Все верно» — Азмир уже делал ход.

Зеваки ворчали и одобрительно гудели. Стук, стук, стук... Три фишки убежали мимо позиций Квадима, пока тот подсчитывал, не обвел ли его соперник.

Даже когда повторные ходы кончились, зеваки не уgomонились. Падальщик со злостью сжал в кулаке палочки. Вот так, да? Еще посмотрим, кому улыбнутся боги. Он бросил и тоже получил два хода.

Зрители подняли вой, а Квадим наклонился к доске и шевелил губами: «Шаг... Три... Пять... А этой фигуркой?» Ветер принес запах рыбы, жаренной с зеленью и маслом оливы. Нищий потянул носом воздух — и увидел в толпе большие глаза под лысым черепом. Носа нет: так, пара морщин между двух дырок. Бледный Тип кивнул и двинул безволосыми бровями.

Квадим еще сильней сжал палочки. Бросил, не глядя.

«Шаг... Два...»

— Так что, давно ты в Высоком городе? — спросил земляк.

Азмир не жульничал, нет — за то и стал любимцем ротозеев. Но отвлечь игрока беседой — разве ж это обман? «Два. Три. Четыре». Нет, этой фигуркой никуда не придешь. Квадим проворчал нечто невразумительное.

— Ты насмотрелся на мертвецов, — вдруг перешел на родной язык Азмир. — Внешность обманчива, дорогой брат. Ты пахнешь подонком, но это оттого, что ты обнял смерть, — он так и сказал, *айхáнн иль-маут*, и падальщик на миг отвлекся.

— Что за чушь?

«НЕТ! Нет. Нет. Нет. Нет!» — зашелся в голове голос. Квадим надеялся, что вой стих, но за первым последовал второй, третий, а после началось:

«Не слушай его. Не ходи этой. Не слушай! Священное имя — эта часть души! Пять шагов в Дом Жизни. Не...»

Квадим отдернул пальцы.

Он сделал, как говорил голос — только чтобы тот смолк. Но тот не смолк. От жареной рыбы остался запах гари, падальщик слышал, как скребут по камню ногти.

— Ты видел смерть близких. Или бойню... — Азмир пожал плечами и сходил. Зеваки напирали, Квадим чуял исходящий от них запах пота и вина. — Да, бойню. Ты крепкий, здоровый мужик. Такие, как ты, просто так не спиваются. В смуту воевал?

Падальщик не ответил. Сквозь вой в голове он пытался расслышать собственные мысли: «Шаг, два, три... нет. А здесь?»

— За колдунов или против? — продолжал Азмир. — Но о чем это я? Так и так ты видел, как их режут, жгут... что там еще придумали в Царстве?

Проклятье! Он хотел сыграть в Тени, потому что это про душу и Рай. Про то, как улизнуть от всех духов и демонов.

— Заткнись! — рявкнул Квадим.

Земляк засмеялся, и кожа поползла с его лица, падальщик увидел, что это не игрок сидит перед ним, а тот... этот... Длинные белые пальцы ласкали фигурку. Глаза у него были сплошь темные: ни зрачков, ни радужки — черные бельма под белесыми веками.

Лавка, на которой сидел Квадим, как будто утратила твердость.

Он снова сделал ход, как шептали голоса.

Шесть из семи душ уже попали в Рай. Падальщик вздрогнул, когда Азмир через стол швырнул палочки, и те застучали, как кости. Зеваки притопывали, то и дело Квадим слышал одно слово, его повторяли на все лады.

Что это, его кличут по имени? Откуда им знать? Бесы, нет же! Зеваки зывали к деве скорби и неудачи.

— Кав-ди-на! Кав-ди-на! — слышалось со всех сторон.

Что же, он встречался с девой. Как-то раз он утащил мошну у пьяной компании, а те оказались матросами. Нашли его, вынюхали, подстерегли у дома — и избили до полусмерти. Еще было — он подхватил у шлюхи черную хворь. Пожалуй, только крысы разносят поветрия быстрее. Да, он встречался с девой. Они что, думают, он струсит?

Квадим бросил палочки и зажмурился, увидев две белых.

Он долго ждал. Открыл глаза. А зрители стояли в гробовом молчании, словно каждый боялся первым подать голос и пошевелиться. Все красные. Пять. Что-то случилось. Перевернулись кости, что ли? Вот так взяли и... Он же сам видел!

Квадим тряс головой, словно так можно избавиться от воя, от хохота и бляенья.

— Ну ходи же! — Азмир согнулся в легком поклоне. — Из Дома Плача и без задержек, прямо в Рай.

И он сходил.

— Мы не назвали ставок, брат, — сказал игрок. — Выходит, ты выиграл все, что на столе. Здесь сотня ставров — или что-то вроде.

Он говорил драматично, будто актер в Лойросе. Зарабатывал любовь толпы. Квадиму было все равно. Даже когда он выиграл, вой не утих. Молча он подгреб к себе груды меди, серебро — и в три приема ссыпал за пазуху. Пахло кровью и мертвечиной. Он запустил пальцы в волосы, точно надеясь добраться до злобного голоса внутри черепа.

Никакой радости от выигрыша. По правде, чувствовал он себя — как кусок дерьма.

Ведь он же не всегда был подонком! Детство. Жаркий полдень и домики среди полей. Удочка на плече: пора бы раздобыть что-нибудь матери на ужин.

Он отогнал воспоминания прочь. От них лишь становилось больно.

Шагая прочь меж мертвецами, меж черными козлами со скорпионьими жалами и людьми с головами жуков — он думал, как ему найти дорогу к дому.

Квадим очнулся от запаха блевотины.

Он лежал в развалинах старого дома на западной окраине. Солнце позолотило изъеденную дождями кладку. Через пролом в стене виднелись белые домики, сбегавшие с холмов к полям, канавкам и изгородам — а совсем далеко, за ними, проступали желтые воды озера Эвбены.

Сперва он потряс головой. Это ж надо столько выпить, чтобы его сюда занесло.

Дерьмо!

Потом вечер начал возвращаться, кусками. Игра в Тени. Потерянные деньги — а выходит, он сам оставил их на лавке. Бледный ужас в углу хибары... Стой! Он что же, выиграл сотню ставров?

Квадим так сразу и сел. Бока ныли от вдавившихся в тело монет. Когда он покончил с пересчетом, падальщик едва не приплясывал. Сто сорок три. Слышишь, небо? Сто сорок три! Ну обезьянки, ну бесовки!.. Если так пойдет дальше, ему и вправду будет, где жить. Теперь бы еще донести это богатство до дому.

Падальщик осторожно высунулся из-за обвалившейся стены. Кажется, пусто... и, бесы, ну кто позарится на бедняка? Разве вот железные лбы из экзарховой стражи: те стоят на рынках, на главных улицах и площадях. Всего-то нужно, что обойти город по кругу, не выходя из бедняцких кварталов.

Солнце со всей свирепостью обрушилось на улицы Накатты. Последние жаркие деньки. Квадим держался пыльных задворков, но и здесь на перекрестках возносились к небу белые колонны. Снизу до верху их покрывала стертая резьба: танцы, сражения и оргии. Он ничего не мог поделаться: все оглядывался, не увязался ли кто следом — и потому не заметил трех дуболомов с конскими хвостами на шлемах.

— Эй, ты!

Квадим подавил желание втянуть голову и шел себе, словно зовут не его.

— Эй, горожанин! — тяжелая рука легла на плечо и развернула падальщика.

Трое. Стражи носили медные нагрудники, а туники под доспехом насквозь промокли от пота. У младшего едва начали пробиваться усы. «В этом городе еще не запретили пить, — лихорадочно соображал Квадим. — Бродяжничать да... но пить-то всем можно!»

— Полегче, Гелон, — буркнул другой, постарше. — С тобой все хорошо, малый? Выглядишь ты, будто вчера издох.

«А ты сам-то как выглядишь?» — подумал Квадим. О боги, только не снова! Демоны визжали и грызли стены темницы. Головы советников, писарей и мудрых владык громоздились до неба. Снизу и не разглядишь, что там, наверху пирамиды.

— Мне... надо... домой, — медленно произнес падальщик. — Выпил вот. Пустите, меня сын избьет, если к полудню не вернусь!

— Живешь ты где, падаль? — рыкнул юнец.

— Говорю тебе, оставь его.

— Да он бездомный, клянусь костями Зákроса!

...Квадим даже не помнил, как они убралась. Он просто опустился в пыль у колонны, прижался к теплому камню виском. Жрецы Темéраса, те ловят знаки, слушая молчание старых плит. Никаких знаков падальщик не услышал — только шипение людей в змеиной коже. Вчерашнее пойло жгло изнутри, точно моча огненного змея.

С этим что-то... пора что-то решать, вот как! Никакое это не пойло — это все проклятый ковер. Или он допился до безумия, а обезьянки так, побоку — пьяный дурман, как и Бледный Тип? Ковер нужно продать. Оценить и продать.

Даже не так. Плевать на цену!

Он позабыл, что хотел вернуться и припрятать деньги. Не до того сейчас! Цари прошлого, холодные, мертвые, при каждом двор из могильных червей... они ушли — и Квадим осторожно поднялся на ноги. Цеплялся пальцами за выемки в истертом камне.

Ноги сами понесли его на Длинный рынок. Там торгует толстый Сортор, один из тех, к кому точно стоит зайти. Улица длинная, как Дорога Царей дома — была вся заставлена прилавками и лотками. Пошатываясь, Квадим брел мимо: ни кувшины, ни ткани его не интересовали.

Затем он угодил в мясной ряд, где громоздились пересыпанные солью куски козлятины и сладковато пахнущие потроха. Сегодня он мог кутить и купил свинину с медом. Мясо изжарили вчера, и старое масло горчило — но Квадима это не волновало. Он проглотил все и облизал липкие пальцы.

Толстяк запретил падальщику входить через передние двери, Квадим скользнул в заваленный хламом двор на задах дома. Знают же, гиены! Знают его здесь.

Льняная штора в дверях сразу откинулась, и показался слуга в алом хитоне.

Сортор желал потрясти всех: даже тех, кто приходит через черный вход. В серебряных чашах с маслом плавали огоньки. Тусклый свет едва освещал зал, а дым расчертил потолок копотью — зато стены украшали вполне пристойные фрески.

— Жди здесь, — слуга остановился перед пыльным занавесом. — У хозяина важная встреча, а после я спрошу, примет ли.

Ну-ну. Квадим что-то не заметил охраны, которая сопровождает важных шишек. В другой день он бы ждал, но не сегодня: как знать, когда голоса вернутся?

— Я пойду к Трикею с Устричной улицы, — падальщик стал шумно собираться, хлопать себя по карманам, ничего ли не забыл.

— Господин занят. С чем ты явился?

Господин? Ха! Назвал бы еще патрикием.

— А вот это не твое дело, приятель. Я расскажу твоему хозяину — или сразу Хромому Трикею.

Квадим ну точно слышал, как со скрипом проворачиваются мысли слуги. Побеспокоишь зазря — хозяин спасибо не скажет, упустишь выгоду — и толстяк спустит шкуру.

— Жди здесь, — повторил слуга.

— Только недолго! — уже в спину ему крикнул Квадим.

Сортор ждал его за круглым столом, что покоился на трех массивных львиных лапах. Необъятное тело скрывала хламида с вышитыми по подолу волнами — толстяк в ней казался даже больше, чем был на деле.

— А-а-а, мой добрый небогатый друг! — торговец ележно улыбнулся. — Что же тебя привело? Слышал, у тебя кое-какие неурядицы?

Что это, откуда ему знать про голоса? «Болван! — выбралил себя Квадим. — Это он про дом, про твой проклятый дом». После всего, что случилось за ночь, он позабыл, что скоро окажется на улице.

— Я мог бы помочь, если ты намерен...

— Не намерен, — отрезал Квадим. — У меня ковер династии ас-Саадат. Ты знаешь, что это значит. Состояние, купец. Целое проклятое состояние. Но у меня его никто не купит.

Толстяк сделал вид, что ему неинтересно.

— Саадат? Пфф!

— Есть... признаки, — медленно ответил падальщик. — Золотая краска, там есть золотое шитье. Так умели только в Старом Царстве. Еще плетение, это уже могли повторить, но так цепляли нити при Саадатах. Главное — краска. Даже сейчас не потускнела.

— Осторожно. Ты сам-то — веришь в то, что говоришь?

Вкрадчивый голос звучал из-за спины. Волоски на шее у Квадима встали дыбом. Дыхание демона оказалось влажным и холодным, как зима.

Сортор не изменился в лице, и падальщик тоже не стал оборачиваться. Коли купец ничего не видит, хорош же он будет, если начнет зыркать по углам.

— Есть еще признаки, — запнувшись, продолжал Квадим. — Подбор цветов, тема. Тогда решили, что изображать людей грешно, заместо стали вышивать животных. Все можно повторить. Ну, кроме краски. Но вместе все — это ковер Саадатов. Я точно говорю!

— Где он? — купец лишь слегка подался вперед.

— Я что, дурак, тащить его сюда? — Квадим ухмыльнулся, и демон обошел стол. — Чтобы ты меня тут и порешал?

— Вот так ты обо мне думаешь, после всех лет? — Сортор покачал головой. Лицо его, впрочем, осталось неподвижным. — Как мне его увидеть? Откуда он взялся?

— Увидишь при покупке, — отрезал Квадим. — А не захочешь, не купишь, всего-то. Откуда взялся, не твое дело. Вот так.

Голос торговца звучал, как расстроенная лира:

— Сколько?

Одним махом, а? И пусть они все идут в пекло!

— Тысяча, — хрипло выдохнул Квадим.

Купец долго теребил медную булавку на плече. Водил по столу толстым пальцем.

— Согласен. Если это Старое Царство, — три подбородка смялись в кивке. — Я хочу увидеть его сам. Но если обманешь, ты потеряешь не...

Демон скривился, и Квадим скривился вслед за ним.

— Хромой Трикей не будет угрожать, — слово в слово повторил он за чудищем. — Пожалуй, приоденет да выведет на пару старых семей.

Толстяк будто гниющую сливу надкусил. Когда Квадим оставил его и шел обратно пустым гулким коридором, демон обогнал бедняка.

— Ты же не думаешь продать ковер, мой мальчик?

Свет масляных ламп падал на старое серое лицо. Само время смотрело из черных глаз, и воздух вдруг стал неподвижным. Падальщик едва не задохнулся, когда все вокруг замерло.

«Какой я тебе мальчик?» — хотел он спросить. Демон оскалил бурые зубы — и все сразу пришло в движение. Дрогнули огоньки ламп, шаркнули квадимовы сандалии. Падальщик глотал воздух и не мог надышаться.

Демон исчез. Он и не ждал ответа.

Запруженный народом Длинный рынок заставил страх немного отступить. Все спешили по своим делам, Квадим жадно впитывал краски и звуки города. Над кутерьмой, поверх склона, царило массивное беломраморное здание. Окруженный колоннами, квадратный храм продувался ветрами, наверняка в нем полно солнца, воздуха, а жрецы день-деньской распевают гимны.

Падальщик не жаловал храмы, никогда еще не заходил внутрь. «Может, хоть в храм он не сунется? Нет. Он явится в дом бога, как в любой другой».

— Пять кувшинов масла по цене трех! В твой рост, горожанин! Слышишь? Пять по цене трех!

Да будь ты проклят, мне и одного не надо! Квадим со всей силы отпихнул зазывалу.

Страх пронзил Квадима насквозь, прямо вдоль хребта — потому что падальщик услышал свой голос:

— Смотри, куда прешь! — а потом вдруг: — Пять? Да у тебя масло, небось, все испортилось!

— Никак нет, горожанин...

А у того уже фляжка, по бронзе бегут чеканные атлеты. Квадим хотел прижать руку ко рту, но пальцы стали непослушными, точно сырое мясо. У него за спиной кто-то тихо и мерно дышал, задняя сторона шеи покрылась мурашками.

— ...никак нет, горожанин. Ты сам попробуй! Торговцу нужно сбыть масло, вот и все дела.

Квадим подавился и захрипел, когда фляжка пролила масло в рот. Женщина с черной козлиной головой смотрела ему прямо в глаза, витые рога ее были холодны, и на них поблескивал иней. Иней блестел и на губах ее лона.

— Сколько? — прохрипел падальщик.

— Тридцать ставров, горожанин. Да ты смотри, какие кувшины! — зазывала указал на пузатые амфоры, они в самом деле были в человеческий рост, а по объему даже превосходили человека.

Квадим вздрогнул, когда онемевшие пальцы вдруг полезли за пазуху.

— Тридцать за пять кувшинов? Обманываешь, малец! Где ты меня обманываешь?

Гнилье!.. Гнилой плотью несло так, что падальщик зажмурился. Когда он открыл глаза, носильщики занесли последний кувшин в его хибару. Толстый бригадир чихнул. За три дома рыбак снова кормил костер навозом, и рабочий не привык к таким запахам.

— Хозяин с вами расплатился, — заявил Квадим. Если ему чего хотелось — так это завалиться на тюфяк и хорошенько выспаться. Раз амфоры так нужны Бледному Типу, пусть сам за ними и смотрит.

А когда он проснулся, пожар уже пронесся по Высочайшей Накатте — всей целиком, кроме разве Темного города. На сто тысяч душ он остался одним из семи, у кого еще водилось масло.

И семь обезьянок резвились среди пузатых амфор.

Конечно, он так и не продал ковер. Куда там? Квадим просто не мог этого сделать. Пока есть дом, какое-никакое дело — он может пить, иногда жрать от пуза и шляться из борделя в кабаки и обратно. Как только он лишится крова — все. Соседи же его и прикончат. Не все они: напротив вон вдова с выводком, а через дом ткач. Нет, далеко не все. А вот рыбак точно.

Прошла горсть дней. По правде, Квадим не знал, сколько, не до того было. Масло, его следовало сбыть! И не большой партией. По кувшину, по два. Узнай кто, что в бедняцкой хибаре хранятся пять пузатых амфор, его убьют за проклятущее масло, как раньше убивали за золото или браслет с самоцветами.

А потом он отыскал кастора Парнесса, покуда верзила сами не явились выколачивать деньги.

— После пожара каждое доброе сердце рыдает! — заверил чиновника Квадим. Когда нужно, он быстро вспоминал цветистые речи земляков: — Поистине, настали черные дни! Но даже бедняк из бедняков видит: мудрость кастора сияет, точно алмаз. Одно ваше появление прогоняет мрак, как дыхание весны изгоняет тучи сезона дождей.

Он говорил, а между тем доставал монеты: считал и складывал в столбики, считал и складывал.

— И пусть мы влезли в долги... Нижайше просим принять...

Семьсот пятьдесят ставров, он нарочно накинул больше — и твердил, что это деньги всей улицы. «Теперь это мой дом, только мой!» — думал он, возвращаясь и в уме подсчитывая, что у него осталось.

Квадим еще не знал, что за него уже все решили. Догадался лишь когда переступил порог — и запнулся о коврик.

Сколько дней прошло? Не пора ли отдавать реликвию?

«Не пора», — понял падальщик. Бледный Тип устроил пожар и погубил тысячи — только чтобы он заработал горсть монет. Сортор, Петрас... Какая глупость, сейчас он даже хотел, чтобы они чего-то требовали, угрожали ему. Да только нет. Если бы! Теперь оба мечтают, чтобы бесы убавили под котлом жару.

По спине его пробежал холодок.

Чего ты хочешь, демон? Квадим с тоской вспомнил домики с плоскими крышами и дымки от летних очагов. Каналы, рисовые поля и плантации. Боги, в какую же дрянь он ввязался!

Ну а чего еще он ждал? Он — болезнь. Он — чума, слякоть под ногами. Он принадлежит помойке.

Но все же Квадим прикрыл дверь и бухнулся на колени, разглядывая в полутьме вышивку. Одна из обезьянок подавала ряженой товарке колодезной воды.

Яйца Шеххана! Будь он проклят, если что-то понял!

Впрочем, обезьянкам Квадим верил. Если чего подсказывают — это стоит сделать. Он долго бродил от колодца к колодцу, целый день бесцельно слонялся по городу, но в конце концов демон его все равно обхитрил.

Не колодец.

Сперва он завидел рыжего жеребца, в золотой сбруе, а на стройных ногах, над бабками, позванивали браслеты с бубенцами. Это ж надо: нацепить браслеты на коня!.. Но в следующий миг Квадим забыл и о причудах богачей, и о лошади. Торговец одну за другой подносил на пробу патрикию чаши вина. Неужто демон хочет *этого*? Да его же зарубят! Вот прямо здесь, на месте.

И все же он пихнул купца и подал кружку простой воды из колодца.

Долгие два вдоха они смотрели друг на друга, патрикий и последний из бедняков.

По правде, он вовсе не выглядел значительно, этот вельможа. Весь скрюченный, сгорбленный, одним словом, недомерок. Но глаза выдавали ум — а Квадим знал, недомерки бредят философской чушью.

— Ха! — сказал патрикий.

И еще сказал:

— Ты знаешь, тебя убьют прежде, чем успеешь крикнуть.

«Берегись!» — взвился в голове вой. Квадим и сам знал, что тут бы поосторожней. «Уж лучше выдать себя за дурака», — подумал он.

— Означенская вода есть то, что пьют люди, — с ужасным гортанным выговором сказал падальщик. — Мы в земле Царя Царей являем простейшего. Мой бог сказал: поднеси воду вместо вина вельможному, дабы лучшие люди помнили, что был пожар, и боль, и погубить.

Через два дня он сидел в одном из дворцов-крепостей Накатты, где поднимали лапы мраморные львы, а бронзовые статуи соседствовали с пирующими. Он притаился на пир гроб, таскался с ним по доброй дюжине залов, погромыхивал досками и не забывал набивать живот.

— Я суть сплошное удивлялся, — возглашал он. — Пир в дни чумы. Пир за пожаром! Продажные князья Царя Царей. Они такие. Но высочельная Накатта!..

Он ловил смешки — и жаждал, чтоб над ним смеялись. Еще горсть недель. Каждый дар демона менял его жизнь так круто, только успевай перевести дух. Теперь он жил в новом доме у тупика Инáроса. Целый бесов дом! Четыре комнаты. Все — в дар от покровителя за развлечение.

Так странно: будучи нищим, он ни о чем не думал, кроме насущных дел. Напиться. Подмазать чиновника. Он перестал быть подонком, да только все его мечты кончились.

Вот покровитель из знати, этот точно знает, чего хочет! Если не искать еду, чем же занять долгие вечера? Квадим помнил, что людям нравится богатство, и купил драгоценности. Он тщетно пытался понять, что в них такого, пробовал рассматривать и перебирать самоцветы, но занятие нагоняло на него скуку. Падальщик привел в дом шлюху, выкупил с концами. Навтия ублажала его три, четыре, пять раз на дню — сколько хватало мужской силы — было приятно, но не то. Неужели это все, что может дать жизнь?

Квадим совсем было решил, что его обманули — когда на очередном пиршестве услышал стук клюки по мозаичным полам.

Хромой Трикей!

Сегодня он являл чудеса истинной веры, а на деле — показывал фокусы. То было тонкое искусство — не только обучиться трюкам, а еще сделать все неловко, чтобы отцы города заметили подвох. Пусть думают, что он смешной дурень. Главное, что дурнем-то оказался патрикий. Целый бесов дом, в четыре комнаты! Видят боги, оно того стоит.

Клюка остановилась всего-то в шаге от него, Квадим видел, как деревяшка уперлась в бесценный пол. Они встретились взглядами, и иноземец все понял. День. Может, два. Назавтра покровитель все узнает.

В ту ночь он забросил сумку с причиндалами в кусты прямо в саду патрикия — а через час уже скрючился в тени за домом торгоша. Все как по маслу. Никто не увидит! В темной одежде разве что седина выблиснет в лунном свете. Квадим забрался на стену и кулем свалился в сад.

Старик Трикей спал, но застать его врасплох не получилось. В последний миг тот ухватил с прикроватного столика бутылку и треснул Квадима. Голова взорвалась болью. Пару мгновений падальщик приходил в себя. По лицу его быстро потекла кровь.

Проклятье, да у старика нож!

Квадим едва успел перехватить запястье торгаша. Где-то внизу тяжело затопали охранники.

Второй рукой он схватил калеку за шею. Давай же! Дохни, бесы бы тебя взяли! Дохни, старик! Но близость смерти придала торгашу сил. Тот царапался и кусался. Кровь текла из рваной раны на лбу, падальщик совсем ничего не видел. Но одной рукой крепко держал горло, а другой — руку с ножом. Ему стоило труда вывернуть калеке запястье. Со всей дури он стукнул старика головой в переносицу. Воспользовавшись мгновением слабости, Квадим повернул руку так, что нож нацелился торгашу в бок. А потом навалился всем весом.

Темнота. Возня.

Потом старик как будто обмяк, и пальцы стали липкими от крови.

Ты обнял смерть, сказал Азмир Многорукий — но время теперь текло вспять, отсчитывало мгновения до события, которое еще должно случиться. Губы игрока шевелились, выговаривая: *туам ли ннахйа*.

Затем Квадим упал во тьму, густую и непроглядную, как внутренности гроба. В бездне томилось... нечто: к далекому свету тянулись тощие руки с острыми когтями — но пока что они застыли в муке. Тварь еще не могла пошевелиться. Она была так близко, Квадим различил черные волоски на тыльной стороне ее ладоней. Еще он видел лицо — как две капли морда Бледного Типа, но высохшая и с пустыми глазницами. Так вот ты какой на деле? Когда не дух, не видение, а сам Тип, во плоти — вот какой?

Боги!

Дверь с треском распахнулась.

Квадим швырнул в нее тень — пригоршню мрака родом из *того* мира. Снова провал. Должно быть, он как-то избавился от охраны? Потому что вынырнул из теней уже дома. В ушах звенел его собственный крик. Падальщик скрючился на полу в позе младенца.

Кое-как Квадим встал.

Может, демон его спас, но толку-то? Как знать, если он ничего не помнит? А что, если старик выжил? Если его ищут и теперь прочесывают город? А может, ничего и не было, все просто кошмар?

По лицу падальщика стекла струйка крови.

Проклятье... Проклятье, проклятье! Он заметался от стены к стене.

Квадим давно не пил: с тех пор, как стал шутом патрикия — верней, всего лишь раз, для представления «пьяный проповедник», такие штуки не повторяют. Но сейчас он просто должен выпить. Иначе сойдет с ума! Падальщик держал кувшины в подполе — подальше, чтобы не было искушения — и теперь начал осторожно спускаться. Перед глазами плыло. Прежде, чем шагнуть вниз, он нащупывал перед собой каждую ступеньку.

Конечно, тряпка его уже поджидала.

Семь обезьян... Боги, да будьте вы прокляты! Семь обезьян вооружились кривыми ножами, они пинали хромого старика и приплясывали.

Квадим привалился спиной к стене и сполз на пол. Падальщик пил, пока кровь не застыла и тогда сковала его лицо сухой коркой. Он провалился в сон, яркий и страшный, где была тьма, а по нему ползали мухи, залезая в уши и в нос. Он задышался, просыпался и вновь падал в забытье.

В редкие минуты, когда Квадим приходил в себя, он вновь лакал вино, прямо из горлышка кувшина.

Еще он вспоминал дом — последнее место, где был счастлив. Мальчишкой он вбирался на откос, и оттуда смотрел, как Великая Река несет мимо зеленоватые воды. Кружево теней успокаивало. Белые кубики домов, залитые солнцем поля и дымок над летними очагами во дворах.

— Да у тебя жир вместо мозгов, вот что, — говорил Петрас. — Светлая же голова, с такой бы горы свернуть, а ты!.. — и он махал рукой.

Бесов пройдоха, из всех торгашей падальщик только о нем и жалел. Хоть бы и потому, что старьевщик оказался прав.

Он думал, во всем виновата нищета. Это из-за нее он обирает мертвецов и живет, сбывая краденное. Из-за нее ест, воруя — и быстро скрывается в толпе. Это из-за нищеты он день за днем видит, как режет друг друга пьяная матросня, дерутся за места шлюхи, а юноши с глазами влажными, как у газели, спрашивают, ищет он удовольствий или продает.

Кабы Квадим не видел резню... Ведь были, были дни, когда солдаты узурпатора не зарубили родителей, он не бежал и не скрывался. Дома царило спокойствие. Жаркое солнце. Мать одевалась так ярко, как все женщины Царства. Боги, она не успела даже поседеть, когда ее убили!

Дома.

Земля за морем, за временем, по ту сторону смуты.

Последний раз, когда он был счастлив.

Соль и лишайник. Здесь ими покрыт каждый камень.

В предательских скалах Панайона повисла водяная взвесь, даже солнце в ней казалось бледным и маленьким. Осенним. Квадим пытался определить по солнцу время, но вскоре забросил это занятие. Есть вещи страшней, чем заблудиться в скалах.

Например, сойти с ума.

Как знать, может, он уже тронулся? Он вправду безумец, если подался в Панайон после всего, что вокруг творилось.

Падальщик долго, наверное, полдня просто сидел перед ковром. Ни ел, ни пил — лишь всматривался и искал подсказки. Глупец, говорил он себе, глупец из глупцов. Но продолжал следить. Надеюсь, что тряпка подаст ему знак или скажет, как дальше быть.

Все оставалось, как вчера: обезьянки вооружились кривыми ножами, прыгали и приплясывали. Временами он проваливался в сон и наблюдал видения одно страшней другого, а потом произошла перемена, которую он не углядел. Может, клевал носом, а может, такие перемены и нельзя заметить? Бесовки карабкались по скалам, а внизу, у подножия плескалось море. Он сразу узнал мать. Та была в ярком платье, вышитом виноградными лозами, и держала за руку черноволосого мальчишку. Обезьянки лазали по камням, а над ними, словно боги, проступали в небесах мать и сын.

Квадим сразу понял, что от него нужно.

Он прошел еще немного, когда открылось море — не тот голубой платок из залива Накатты, а серое, пенное и жадное. Падальщик скривился и начал спускаться.

Что там, найдет еще одну вещицу, чтобы загнать на черном рынке? Бледный Тип начал повторяться, подумал он.

Вместо этого Бледный Тип просто ждал его. Внизу, у самой кромки прибоя.

Он был одет в лохмотья, остатки некогда царских одежд. Когти на слишком длинных для человека ногах вцепились в покрытые влагой камни. Морщинистая морда казалась еще старше в блеклом свете.

— Я здесь. Ну что, доволен теперь? — спросил Квадим.

Тонкая щель рта растянулась в усмешке.

— Я ожидал услышать гнев вместо благодарности.

В голосе сквозила насмешка и что-то еще, что-то очень опасное. Плевать. Квадим шагнул навстречу демону.

— Зачем ты меня притащил? Ну?!

— Притащил? А зачем ты притащился, едва я позвал?

Вопросы на вопрос. Падальщику это совсем не нравилось. Он рявкнул:

— Это ты, ты выполнял желания! В самом паскудном виде, самом... — волна ударилась о скалы, окатив его ледяными брызгами. — Я знаю, чего тебе надо. Да. Знаю! Я видел тебя там, в темноте!

— Если ты много знаешь, то чему удивляешься?

Опять насмешка. Силы оставили Квадима. Он закачался, прижав к голове кулаки.

— Это сводит меня с ума. Оставь меня. Прошу. Я сойду с ума. Если ты не оставишь...

— Довольно! — демон заговорил высоким недобрым голосом: — Это сводит *меня* с ума! Твои страсти. Твоя черная, мелкая, грязная душонка, — выплевывая слова, демон как будто поежился. Под обрывками царских одежд переступили нечеловеческие ноги с коленями назад, когти заскребли по камню.

Квадим попятился. Едва Бледный Тип умолк перевести дыхание, он вставил:

— При чем тут мать?

— Притом, что это твое желание, глупец! И то, которое я могу исполнить.

Падальщик расхохотался.

Демон молчал. Он ничего не говорил и не пояснял. Разве что шагнул вперед, где на него не падала тень утеса. Сквозь тонкую кожу на плечах торчали кости. Квадим осекся.

— Тебе только того и надо!

— Да, мне того и надо. Это самое большое, что я могу для тебя сделать. И последнее. Мне это нужно. Но и ты получишь то, о чем мечтал.

Очень долго они молчали. Черные глаза демона казались старше Накатты, старше скал, в которых они находились.

— Ты лжешь. Чушь. Воскресишь мертвеца? Ха!

Демон поднял руку и неожиданно мягко сказал:

— Лучше, мой мальчик. Много лучше. Я верну тебя туда, в детство. Ты снова будешь ребенком, ведь это важно. Как иначе ты встретишься с матерью — такой, как сейчас? Нет, ты станешь ребенком. И смуты никогда не будет. Ни голода, ни войны. Узурпатор не захватит Царство. Ты проживешь ту жизнь, которую должен был прожить.

Квадим поднял руку потереть лоб, но в последний миг вспомнил, что там рваная рана. Ему вдруг стало очень холодно. Брызги промочили их с головы до пят. Ветер пронизывал до костей. Брехня, сказал он себе. И нервно облизнул губы, точно пробуя предложение демона на вкус.

Демон не уговаривал его. Он сел на камень, опустив голову. Позвонок у него оказалось больше положенного, они торчали из щуплого тела, как шипы.

— Я буду ждать, пока ты решишь, — сказал Бледный Тип. — У меня в распоряжении вечность.

А что он мог решить? Нет, это чушь. Конечно, чушь. Ни один колдун такого не может. Но демон и не колдун. Квадим боялся представить, какие темные силы ему подвластны, такая мощь не укладывалась в голову. «Это то, чего он хочет. Захватить меня и вырваться в мир». Но ему-то какое дело?

Плевать на мир. И на всех его долбанных жителей. Царство, Высокий город — пусть все катятся в Бездну.

А пирамида из голов? А женщина с козлиной головой? Она развела ноги, и на ее лоне поблескивал иней.

«Это его кошмары, — вдруг понял падальщик. — Так же, как он видит мои».

Квадим потряс головой. Неловко пошевелился, приводя в чувство одеревеневшие руки. А если уйти, что тогда? Он просто продолжит сходить с ума. Равно как этот... не-человек. На мгновение он вновь погрузился в кошмар. Тьма была такой густой, что облекала тело, как вода.

Поколебавшись мгновение, он шагнул к демону. Квадим заметил, что дрожит от страха — но и демона била такая же дрожь.

— Согласен, — наконец сказал он. — Слышишь? Я готов.

В мыслях падальщик вернулся к матери. Вернее, к тому, что еще помнил. Совсем немного. Всего-то — черные волосы и ласковые, очень мягкие руки.

— Хорошо, Квадим, — демон поднялся.

— И как же... — «ты это сделаешь», хотел спросить падальщик. Он не успел. Свет померк, как будто солнце зашло за тучи, и воздух вдруг стал гуще. Запах пыли, и крови, и гнилого мяса заставил его сглотнуть, чтоб не вырвало.

Казалось, скалы зашатались. Где-то далеко утесы терлись один о другой, оглашая окрестности скрежетом. Звук нарастал и нарастал, когда сам воздух, густой и твердый, вдруг начал крошиться. Квадим не стал смотреть на это безумие.

Он закрыл глаза и шагнул прямо в бездну.

Во всяком случае, демон его не обманул.

Он шел узкой пыльной дорогой, меж квадратных домов с плоскими крышами. Под ногами хрустели битые черепки. Жара стояла оглушающая, даже курицы умудрялись вздымать клубы пыли. Квадим подпрыгнул и гаркнул, распугав всех птиц. Он ничего не мог поделать — губы сами собой растянулись в ухмылке.

За тридцать уже не чувствуешь, насколько стал слабей и старше. Думаешь, полон сил — а на деле-то медленно угасаешь. Слишком медленно. Так что не замечаешь утраченное: дикую энергию, от которой усидеть на месте решительно нельзя.

Тешуб. Деревенька, где он вырос, звалась Тешуб.

Наверное, пройти еще немного.

Селение прозябало в ужасающей нищете. Мужчин не было (и верно, днем все в поле) — а женщины, которых он встречал, задубели от солнца и от ветра. Их лица стали коричневыми, как кора, и рано покрылись морщинами. Он ожидал найти зелень, но кругом была только пыль. Лишь пара чахлах карагачей простерли к небу кривые ветви.

Не беда. Демон не мог забросить его далеко.

На Квадима снова обрушились воспоминания. Был жаркий день, отец на днях по новой вскрыл глиняные кирпичи известкой, белые стены дома слепили глаза. Сквозь навес из пальмовых листьев свет падал тонкими иглами. Во рту еще стоял вкус риса с перцем.

Совсем немного.

За покосившимся хлевом тропинка уводила в гору, на лысый бугор над рекой — и Квадим зашагал по ней. Оттуда, с высоты, он и увидит Тешуб. Белые домики. Поля с густой травой. Плантации гранатовых деревьев. Тутошний князь совсем уж обирает крестьян.

А на бугре сидел старик, при виде мальчишки он захихикал тонким надтреснутым голосом.

Проклятье! Квадим знал этот блуждающий взгляд. Черный дурман. И где только выискал так далеко в глуши? Зелье можно купить в столице, и в крупных городах тоже — но здесь, среди полей и плантаций?..

Внизу, под откосом, несла мутные глинистые воды река.

— Н-не подскажешь... — Квадим запнулся. Теперь он не мужик, переживший бега и смуту. Мальчишка. И все же он набрался смелости и выпалил: — Не подскажешь, где селение Тешуб?

— Тешуб? — старик вновь захихикал. Мальчик заметил, что слюна у него черная от зелья. — Да вот же он!

Нет. Нет...

Пыль, грязь и копоть. Запах навозного дыма. Нет. Но домики будто стояли, как ему запомнилось. И общинный загон из потемневших кольев. Сейчас он пустовал: днем животину выгоняют на пастбища.

У Квадима пересохло во рту.

— Что, мальчик, перегрелся на солнце?

Демон вернул тело ребенка, но не вернул детский разум. Слегка прошелся по воспоминаниям. Накатта виделась смутно, вскоре она и вовсе забудется. Но ум его...

Он *помнил*. Как заывают размалеванные шлюхи — выставив в окна свои отвислые груди. Как мочится на стену уличный пьянчужка. Как сжигают, четвертуют, ослепляют и рубят уши.

О боги, нет!

Мальчик схватился за горло, но пальцы стали твердыми и непослушными.

— Нет, — проговорил он. — Нет...

Дом был средоточием всего светлого, что только осталось в душе.

От сажи некоторые хибары потемнели. По стенам других бежали трещины, известка отслаивалась, обнажая обожженный кирпич.

Он не ребенок. Он видит все, как есть. Глазами подонка.

Кабы он мог, мальчик вырвал бы из груди сердце. Как остановить муку? Он не найдет мать. Только старую, вечно пьющую и склочную женщину. Великая Река, только она осталась матерью, а скользкие рыбы — сестрами.

— Эй, малец? Ты что это надумал?

Квадим не слушал старика.

Великая Река заморозила его. Она протянулась через все Царство, от гор до моря. Четверть схена бурых глинистых вод. Почти до горизонта. Миг полета, всего удар сердца, не больше...

Глубоко вдохнув, чтобы было не так страшно, мальчик шагнул вниз.

* * *

Куреон с улицы Быкольва как раз закрывал свою лавку древностей. Солнце зацепилось за крыши дворца экзарха. Снаружи, под сенью крытой колоннады, дуда уличного музыканта наигрывала что-то веселое и очень бойкое.

Судьбы определенно благоволили торговцу: Сортор, Петрас, Трикей — за месяц он лишился почти всех конкурентов, остались двое на добрые сто тысяч душ. Это стоило отметить.

Он запер дверь и налил вина: густой, почти фиолетовый напиток. Плеснул на пол, для богов. Купец только поднес к губам чашу — и в этот-то миг в дверь постучали.

Он был высок и худ, на две головы выше Куреона — и гость торговцу сразу не понравился. Зачем дурацкий глухой плащ? Все равно он возвышается над любой толпой. Но посетитель развернул сверток — и мысли враз вылетели из головы купца. Красное с золотом, и пламя, и буквы вдоль краев. В центре пили и веселились обезьянки.

— Это ковер династии ас-Саадат, — высоким голосом сказал гость. — Но у меня его никто не купит. Смотри, здесь золотое шитье, так умели в Старом Царстве. Мне нужно продать его. Найти покупателей.

О да, Куреон знал про золотое шитье ас-Саадат. Совсем легко, кончиками пальцев, он коснулся потертости. С одного края ковер обгорел дочерна, в углу же красовалось винное пятно.

— Он в ужасном состоянии, — с сомнением протянул торговец.

— Мой путь был долог. Чего только с нами не случилось.

Незнакомец пожал плечами, на мгновение его плащ распахнулся. Лохмотья. Некогда то были роскошные одежды, расшитые листьями, лозами и степными львами. Что это, беглец от вечной смуты в Царстве? Еще один распродает фамильные реликвии?

Куреон склонился к самой ткани, разглядывая узор. Семь обезьянок. Нет, восемь. Одну из них вышили в углу — она словно не решалась присоединиться к празднеству. Под винным пятном купец не сразу ее заметил.

— Так что же? — гость начал терять нетерпение, и Куреон сдался.

— Беру. Обещаю, я найду для тебя покупателя.